

НИЦШЕАНСКИЙ ДИСКУРС СОЦИАЛЬНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ XX ВЕКА

М. В. Смирнов

Череповецкий государственный университет

Поступила в редакцию 4 декабря 2017 г.

Аннотация: в статье анализируется развитие ницшеанской традиции осмысления социального отчуждения в западноевропейской философии. Автор рассматривает представления как самого Ф. Ницше, так и М. Фуко, Ж. Делеза, Ж. Батая. Показано, что ренессанс философии Ф. Ницше в XX в. происходит на фоне кризиса левых идей и разочарования левых в социальном прогрессе. В ходе исследования делается вывод о том, что, несмотря на всю свою позитивную роль в углублении теоретической проблематики социального отчуждения, ницшеанская мысль оказала на левый интеллектуальный дискурс дезинтегрирующее и абстрагирующее от материально-экономической практики влияние.

Ключевые слова: социальное отчуждение, Ф. Ницше, воля к власти, Дионис, желание.

Abstract: the article analyzes the development of the Nietzschean tradition of comprehending social alienation in Western European philosophy. The author considers the views of both F. Nietzsche himself, and M. Foucault, J. Deleuze, J. Bataille. It is shown that the renaissance of F. Nietzsche's philosophy in the twentieth century occurs against the backdrop of a crisis of leftist ideas and frustration of the left in social progress. The study concludes that, despite its positive role in deepening the theoretical problems of social exclusion, Nietzschean thought exerted a disintegrating and abstracting (from material and economic practice) influence on the left intellectual discourse.

Key words: social alienation, F. Nietzsche, will to power, Dionysus, desire.

Принято считать, что теоретическая фиксация и последующая формализация концепта социального отчуждения являются достижением левой интеллектуальной мысли, лежащей в области марксистско-гегелевского дискурса. Социо-антропологическая проблематика отчуждения здесь сводится к отчуждению самосознания, сущностных сил и внутреннего мира человека, подлежащих опредмечиванию внешними объективными силами.

Левая социально-философская мысль XX в. большей частью оказалась ориентированной на проблему отчуждения, формализованную в трудах «заново переоткрытого» к 1950-м гг. К. Маркса, в частности – в «Философско-экономических рукописях 1844 года». Параллельно происходило и переосмысление философии Гегеля, проецируемое А. Кожевным и Ж. Ипполитом в область социальной теории и практики.

Однако к последней трети XX в., в результате становления постиндустриальной фазы капиталистического развития и гегемонии неолибе-

ральной идеологии в развитых странах Западного мира, левая социальная мысль начинает испытывать серьезный кризис. Левые теоретики, в лице, например, Л. Альтюссера, М. Фуко и других представителей теории дискурс-анализа, переносят критический анализ в область «надстроечной» культуры, говоря об исчерпании экономико-критического анализа. Интерес начинает представлять проблема языка, коммуникации, субъективности, антропологической сущности человека.

Именно здесь перед многими левыми и встает фигура Ф. Ницше, предельно расширяющего проблемное поле отчуждения, уводящего эту проблематику в идеалистическую по своему содержанию область историко-субъективных ошибок и заблуждений, оформивших единое нигилистическое движение западноевропейской истории.

Целью исследования является анализ развития представлений о проблеме социального отчуждения в рамках ницшеанского дискурса, их органичности и актуальности современной социально-экономической действительности.

В ницшеанской философии отчуждение проникает в человеческую жизнь наиболее глубоким образом. И связано оно с историческим развитием нигилизма, декаданса, вырождением воли к власти и ее моральным вытеснением. По выражению Ж. Делеза: «Триумф «реакции» над активной жизнью, триумф отрицания над утверждением» [1, с. 29].

Хаос становления – вот, что истинно для Ф. Ницше, остальное – нигилистическая метафизика. Отсюда и его антропологический проект – человек, в своей сущности ориентированный вовне. Отсюда и его ненависть к физиологии, психологии, дарвинизму, гуманизму и христианству. Так, «физиологам следовало бы остерегаться выставлять “стремление к сохранению” кардинальным влечением органического существа. Раньше всего всё живущее хочет проявить свою силу, “сохранение” – это только одно из последствий этого стремления» [2, с. 356].

Ф. Ницше, в отличие от Гегеля, закрепляет систему отношений «господин – раб» и не видит позитивных последствий в ее преодолении. Сама жизнь распорядилась таким образом, что одни люди наделены талантом и творческими дарованиями, а также повышенной степенью воли к власти. Потому и другие, вырождающиеся, истощенные и подавленные типы воли к власти, предрасположены самой природой к поддержанию мира господ и воспроизводству их культурного наследия как универсального мира культуры. Аристократическая культура – это вовсе не культура нигилистического и вырождающегося большинства, усредняющая и формализующая, а культура «излишества, культа исключения и искушения, опасности и нюанса» [там же, с. 505].

Иерархия и служение дают людям смысл и цель своего присутствия. «Всякое возвышение типа “человек” было до сих пор – и будет всегда – делом аристократического общества, как общества, которое верит в длинную лестницу рангов и в разноценность людей и которому в некотором смысле нужно рабство» [3, с. 379]. Исходя из этого суждения и всей

философии Ф. Ницше следует отдать ему должное в актуализации вопроса: от чего отчуждается человек и что означает его отчуждение?

«Таких не мало, которые потеряли свою последнюю ценность, когда освободились от рабства. Свободный от чего? ... Твой ясный взор должен поведать мне: свободный для чего?» [там же, с. 45] Этот момент в классической гуманистической парадигме был отрефлексирован в недостаточной мере. Отчуждение заиклено на самом себе – преодолевая какие-либо формы сознания или превратной деятельности, мы отчуждаем от них человека.

Вслед за Ф. Ницше, первым кто предпринял достаточно серьезный шаг в сторону разработки этого положения, стал М. Фуко. Развивая идею воли к власти, он формализовал интуитивно присутствующую в ницшеанстве теорию дискурса власти (или «биовласти»), которая имеет своих агентов не только среди властных элит, но повсюду. Власть, эксплуатирующаяся через язык, как центральный атрибут дискурсивного поля любого общества, постоянно воспроизводится с самых низов социальной иерархии [4, с. 48].

Если это так, то нет никакого смысла предпринимать какой-либо критический анализ экономического угнетения, поскольку это всего лишь эпифеномен куда более глубокого отчуждения человека – отчуждения от самого себя, дискурсивного, языкового отчуждения. Это фундаментальное отчуждение в тех или иных формах будет всегда воспроизводить элементы социально-экономического угнетения. Марксистская теория отчуждения теряет смысл, поскольку она описана буржуазным языком человека, воспитанного в культуре буржуазного общества.

М. Фуко говорил: «И каким же образом она (социалистическая мысль) воспользовалась, чтобы задумать, обрисовать и осуществить эту человеческую природу? На самом же деле им оказался просто буржуазный образец.

Она полагала, что обществом без отчуждения станет общество, которое, к примеру, даст дорогу сексуальности буржуазного типа, семье буржуазного типа, эстетике буржуазного типа» [5, с. 123].

Вслед за М. Фуко, ницшеанскими элементами левую социальную теорию разбавляют такие постструктуралисты, как Ж. Батай, Ж. Делез и М. Гваттари. Указанные мыслители берут позитивные моменты ницшеанства, выраженные философией дионисийства, и транслируют их в область социальной теории.

Предельное воплощение воли к власти у Ф. Ницше имеет Дионис, как нарицательный экзистенциальный модус, говорящий «Да» абсолютно всему – жизни, смерти, становлению, «вечному возвращению», не будучи обязанным «отвергать или отрицать ни одно из них (сущих в их равнозначности) под действием ретроактивного страха» [6, с. 57].

Ж. Батай опираясь на «опьяняющий», иррационалистический, вываливающийся за метафизику и рациональные критерии европейского Логоса модус дионисийства, постулирует некую «суверенность», которая является доведенным до предела гегельянским господством. «Суверен-

ность», воплощающаяся в человеке, перестает связывать его с какими-либо оппозициями, антагонизмами, антиномиями (например, господин – раб). Для сохранения полноты своей воли к власти она предпринимает попытку вывалиться за пределы дискурса, ломая его или ускользая от его означаемого воздействия [7, с. 264].

Экзистенциальный модус суверенности в области социальной философии ницшеанства, осознавая губительную силу языка и дискурса, понимая единственно наличествующий в действительности хаотичный мир становления, лишенный каких-либо границ и барьеров, уходит от фиксации своего собственного положения, статуса и позиции в буржуазном обществе. Таким образом, он покидает границы и рамки, очерчивающие восприятие социально-экономического отчуждения в буржуазном обществе.

Похожие представления, но перенесенные с деструктивными намерениями в психоаналитический дискурс, транслировали Ж. Делез и Ф. Гваттари. Ломая идеалистическую фрейдовскую структуру желания, французские мыслители наделяют желание абсолютной «номадической» свободой. Сама его фиксация в рамках какой-либо теоретической системы (особенно в идеалистической теории З. Фрейда) – преступна и кощунственна. Его встроенность в какую-либо систему взаимосвязей и опосредований играет на руку исключительно господствующему буржуазному дискурсу, стремящемуся к формированию искусственной аксиоматики и разного рода ретерриторизаций.

Французские интеллектуалы выделяют шизофреническое (революционное) и параноическое (реакционное) инвестирования, которые подсознательно присутствуют в любой «желающей машине» человека и толкают его на конформизм или отрицание по отношению к существующему общественному порядку. Модусом, противостоящим господствующему параноическому дискурсу, является шизофренический тип психологического отношения к действительности, говорящий «Да» миру становления. Расколотое и децентрированное сознание, как некий «бредящий и желающий код, демонстрирующий необыкновенную подвижность» [8, с. 33], преодолевает любые запреты и границы, ломает дискурс и язык или ускользает от их влияния.

Привлечение ницшеанской философии целой плеядой левых интеллектуалов в пространство социальной теории объясняется происходящими в социально-экономической действительности переменами, все с большим трудом вписывающимся в рамки классического критического анализа экономической эксплуатации и угнетения. Формирующаяся парадигма постмодерна, бросающая вызов классическому гуманизму, предлагает новую радикальную альтернативу борьбы – ломку дискурсивных границ и уход от означения господствующим дискурсом, выдвижение на первый план культурно-этических практик. Собственно, именно это и демонстрирует своей философией Ф. Ницше. Ницшеанство явилось идеальной основой нового критического анализа, отрицая классические марксистские представления об объективности (субстанциональности)

общества, универсализме во взгляде на его устройство, экономическом детерминизме.

Ф. Ницше показал, что сам социальный вопрос (а значит, и вопрос о социальном отчуждении) является следствием более фундаментального декаданса, вырождения, обесценивания ценностей. В своем видении будущего он призывал пройти этот путь до конца, произвести переоценку ценностей, стоически по дионисийски, т. е. смещая любые устоявшиеся акценты, границы и нормы, сказать «Да» становлению, дабы оживить и расправить единственно действенный в жизни инстинкт – инстинкт воли к власти.

И всё же увеличивающаяся гегемония ницшеанства в области социальной теории западноевропейской философии вызывает некоторую настороженность, поскольку идеи Ф. Ницше отстоят от обыденного сознания дальше, нежели классические идеи о социально-экономическом, техническом, производственном и любом другом прогрессе. Кроме того, идеи Ф. Ницше, интерпретированные уже в русле постструктурализма, не имеют достаточно сильной материальной опоры (материально-технической или материально-экономической), которая фигурировала бы в качестве теоретического конструкта. Ницшеанский дискурс опирается то на концепт морали, то на концепт «биовласти», то на концепт «ризоматического» желания – крайне затруднительные в своей фиксации идеалистические явления. Отсутствие такой опоры, отсутствие привязанности теории к эволюции какой-либо материальной формы выводит «инстинктивное движение» в пространство релятивизма, пространство непредсказуемости, где вполне возможен радикальный политический поворот «вправо», в отношении чего не ведется должная рефлексия.

Преимущество классического критического анализа было в определенной объективации структур экономических интересов, что давало теоретикам твердую почву для постепенного накопления эмпирического материала, постепенного исследования отдельных областей и продвижения к новым теоретическим уровням. Сведение же всей проблематики к ряду идеалистических заблуждений и ошибок, а также выстраивание определенных идеалистических конструктов, с сомнительной привязкой к еще более сомнительным материальным вещам и явлениям, остались недостаточно отрефлексированными в силу политизации социально-экономических процессов в XX в.

Подводя итог анализу развития представлений о проблематике социального отчуждения в ницшеанском дискурсе, следует заключить, что синтез левых идей с ницшеанским анализом вывел критическую социальную теорию на новый уровень, на осознание новых форм капиталистического угнетения, на углубление экзистенциальной проблемы отчужденности человека. Однако к актуальности социальной теории ницшеанской традиции следует относиться с определенной осторожностью.

Литература

1. Делез Ж. Ницше / Ж. Делез ; пер. с фр. С. Л. Фокина. – СПб. : АХИОМА, 1997. – 186 с.
2. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / Ф. Ницше ; пер. с нем. Е. Герцък [и др.]. – М. : Культурная Революция, 2009. – 880 с.
3. Ницше Ф. Соч. : в 2 т. / Ф. Ницше. – М. : Мысль, 1990. – Т. 2. – 829 с.
4. Фуко М. Нужно защищать общество : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975 – 1976 учебном году / М. Фуко ; пер. с фр. Е. А. Самарской. – СПб. : Наука, 2005. – 312 с.
5. О природе человека. Справедливость против власти // Фуко М. Интеллектуалы и власть : избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с фр. С. Ч. Офертаса ; под общ. ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. – М. : Праксис, 2002. – С. 81–147.
6. Марион Ж.-Л. Идол и дистанция / Ж.-Л. Марион // Символ / под ред. Н. Мухелишвили. – М., 2009. – № 56.
7. Батай Ж. Гегель, смерть и жертвоприношение / Ж. Батай // Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века / под ред. С. Л. Фокина. – СПб., 1994. – С. 245–269.
8. Делез Ж. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари ; пер. с фр. Д. Кралечкина. – Екатеринбург : У-Фактория, 2007. – 672 с.

Череповецкий государственный университет

Смирнов М. В., аспирант
 E-mail: SmirnovM_92@mail.ru
 Тел.: 8(963) 354-49-18

Cherepovets State University

Smirnov M. V., Post-graduate Student
 E-mail: SmirnovM_92@mail.ru
 Tel.: 8(963) 354-49-18

М. В. Смирнов. Ницшеанский дискурс социального отчуждения...